ШТОРМ

…Серые тучи-волки над морем стелятся низко,
И ветер воет так жутко, что замирает волна.
Негостеприимное море нынче слишком капризно —
Брызжет штормами, а с неба в гневе стекает слюна.

Ветер поёт и смеётся, бьёт кулачищами в борт —
Шторм в апогее, злится на непокорных он.
Мореходы молят Нерея, чтобы дойти до порта —
Есть где-то рядом гавань с названием Афинеон.

Но что это? Словно призрак к ним подошёл в ночи.
Рвутся канаты и нервы, дерзкий заложен вираж.
Это кочевники моря — тут уж кричи не кричи —
Только пираты в такую штормягу способны на абордаж.

Не повезло: сцепились, выбросило на скалы.
Не помогли молитвы, что-то пошло не так.
Много веков прошло. Смотрит на море устало,
Смотрит и вспоминает старый седой Кара-Даг…

ВРЕМЯ СКИФОВ

1

Огромны степи кочевые.
Синь неба, зыбкий горизонт
Зовут вперёд, в места иные,
В места далёкие, как сон.

Опять снимается кочёвка,
И на восток идут стада.
Опять усталая ночёвка,
В мехах горячая вода.
Чуть слышен звон мечей дозорных,
Что сон кочевья стерегут.
Шакалы с совами минорно
Всю ночь печаль свою поют.
Шакалы воют, стонут совы,
А стражи борются со сном.
Им образ сочных пастбищ новых
Рисуют искры над костром.

И, посторонний шум услышав,
Охрана сбросит дремоту,
На холм взбирается повыше,
Пригнувшись, смотрит в темноту.
Да, степь огромна, места много,
Но трудно поделить его.
Дозорный прокричал тревогу,
Проснулся лагерь кочевой.

Запели луки боевые,
Луны кровавой блещет свет.
Вокруг мелькают лица злые —
Соседа бьёт степной сосед.

Как коротка степная битва!
Как коротка степная жизнь!
Кочевье вдребезги разбито,
Пока луна катилась вниз.

Да, степь огромна, места много,
Но нам не поделить его.
Соседа встретив, бьём тревогу,
А там посмотрим, кто кого.

2

Так раньше скифы кочевали
На низкорослых скакунах.
В походных кузницах ковали
Свои мечи и стремена.
Детей учили бить из луков
И защищаться от врагов.
Им эта сложная наука
Давалась, впрочем, нелегко.
Отбиться от врагов своих
Или разграбить чей-то стан,
Гулять в раздолиях степных,
Пройдя по ним, как ураган, —
Вот все их дикие забавы,
Вот вся их дикая нужда:
Обагрить чьей-то кровью травы,
Чужой, своей ли — ерунда!
Ведь кровь прекрасна, кровь пьянит,
Пусть даже эта кровь — твоя!
Так сердце скифа говорит
И дикая его семья.

Ушла эпоха диких скифов,
Пришли другие времена.
О них осталась память в мифах,
В корявых древних письменах.
Теперь на месте древних скифов
Живут другие племена.

БЛАГОРОДНЫЕ ВОЛКИ АШИНА

Мне снился сон. Я князь Ашина,
Потомок хуннов я.
Я был разбит в горах Нянь-Шаня,
Прощай, любовь моя.
Народ разбит, как воск, растаял,
Но не был покорён.
Бежали, скрывшись за Алтаем, —
Враги со всех сторон.

Не бросил нас степной наш бог,
Он нас через века провёл.
Мы в честь него зовём свой род,
Ашина — благородный волк.
Мы много лет, как волки, жили.
Наш путь и труден, и красив,
Пока враги врагов косили,
Мы набирались сил.

Мы знали, бог нас не предаст,
Дышали степью мы.
И вот, когда пришёл наш час,
Восстали мы из тьмы.
Китай разбили, взяли Согд,
Но Согда не спалили.
Согдийцам преподав урок,
Их благородством покорили.

Увы, степное благородство —
Синоним слова «простота».
Как было тяжело бороться,
Когда вокруг лишь пустота.
Погибли мы от простодушья
В сетях чужих интриг.
Я, погибая от удушья,
Издал последний крик:
«Мы умираем так нелепо,
Но смерти не боясь.
Прощайте, горы, степи, небо,
Вы не предали нас!»

ЕХАЛ ПОЕЗД

Ехал поезд на Восток:
«Москва — Владивосток».
Ехал поезд на Восток,
А впереди сигналят «Стоп!»
Дьяволы-станичники,
Казачки-разбойнички.
Всех порежут, всех убьют,
Золотишко отберут.

Поезд скрипнул тормозами,
Мы сидим под образами.
Мы сидим белее снега,
Не уйти нам от набега.
Вдруг раздался первый выстрел,
Дело закрутилось быстро.
Первый выстрел как сигнал:
«Опа! Я в тебя попал!»

Вдоль состава прёт гульба —
Крики, стоны и пальба.
Не видать беде конца,
Рядом кончили купца
Дьяволы-станичники,
Казачки-разбойнички.
Всех порежут, всех убьют,
Золотишко отберут.

Мы попрятались под лавки,
Не найти нас в этой давке.
Не отдам им свои деньги,
Хоть меня поставят к стенке.
Не отдам я им мешочка
С золотым песочком.
Не отдам я им мешочка,
Не отдам — и точка!

В ухо тычут мне наганом,
В бок пинают сапогом.
Нет, решил, вставать не стану,
А прикинусь мертвецом.
В угол дальний напихал я
Золотишка-рыжевья.
И глаза прикрыл нахально —
Мол, убили вы меня!

Не поверили, достали
Из-под лавочки на свет.
Долго, сволочи, пытали:
«Дашь нам денег али нет?»
«Вы, ребята, что, с приветом? —
Начинаю я хамить. —
Я б вам дал, да ведь их нету!

Можете меня убить!»
Сухо щёлкает наган,
Дали плетью по ногам.
«Деньги нам гони, купец!
А не то тебе конец!»
Да и чёрт с ним, с тем мешочком!
Чёрт с ним, с золотым песочком!
Говорю им: «В этой давке
Уронил, кажись, под лавку».

Вот бандиты, сволота!
Ободрали дочиста!
Вытворяют здесь кошмары —
Где же ваши комиссары?
Шуточки недетские —
Где же власть советская?
Разве же их конница
За урками угонится?

Чуть не помер я с досады.
Это ж надо, это ж надо!
Рядом ноет пролетарий:
«Блин, последнее украли!
Мне б, купец, твои проблемы,
Я б тогда не горевал!
У меня ж бандит-скотина
Рубль единственный отнял!»

«Не печалься, Бога ради, —
Работяге я сказал, —
Вот приедем мы во Владик,
Я тебе дам целых два!
Мы во Владике гульнём,
Живы будем — не помрём!»